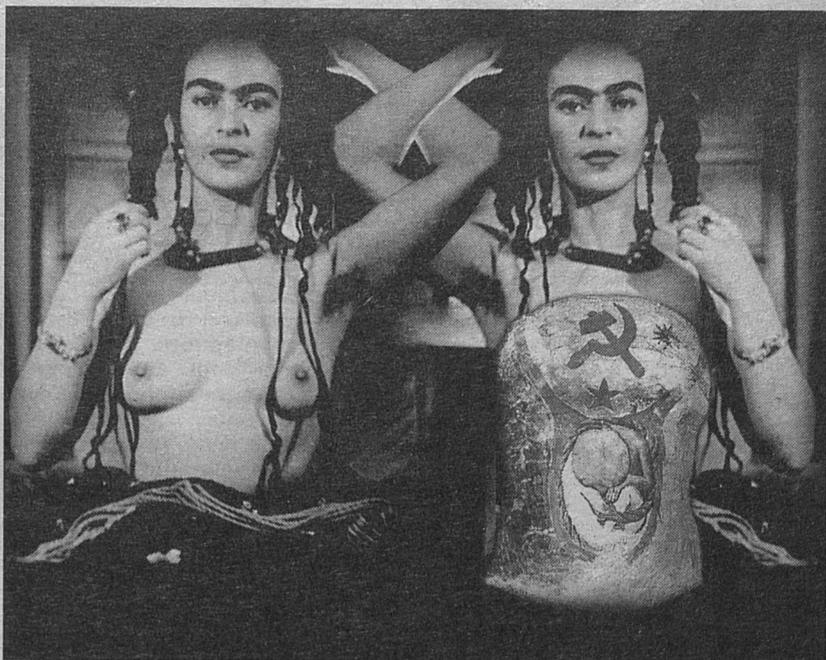

НЬИЙ СЛОЙ

НОВАЯ ГАЗЕТА. - 2005. - 28-30.11. - С. 22

Документальная «Фрида на фоне Фриды» — безусловно, вызов «Фриде» игровой, знаменитому фильму с Сельмой Хайек, который вывел Фриду Кало на второй виток культовости после тех лет, когда она со своим сюрреализмом и коммунизмом, Риверой и Троцким, безумными нарядами и разрисованными корсетами, страшными травмами и дикой красотой была одним из самых популярных персонажей мировой артистической моды. Голливудский миф Джули Теймор дрейфует между биографией и географией, как все экзотические портреты в экзотических экс- и интерьерах.

Но, как бы там ни было, «Фрида» Хайек — Теймор послужила истоком новой волны «фридомании», не миновавшей и российский художественный контекст. Самым ярким жестом стала выставка Фриды Кало в галерее «Дом Нащокина», о которой упоенно рассуждали модные ребята. При том, что выставка состояла из репродукций. Истинно

«Приговоренная к фиесте»: мучительный спор Фриды с Фридой

Фрида на фоне Лары

В Доме кино прошла премьера полнометражного документального фильма о Фриде Кало, снятого по сценарию кинообозревателя «Новой» Ларисы Малюковой

русская манифестация причастности к западным культурным играм.

И теперь вот «Фрида на фоне Фриды» — тоже вроде как ход в этой общей игре. И снова женская сборная. Но «наши девушки», в отличие от американских, перешагивают через любовный роман для домохозяйки. Свой женский праздник они справляют в небывалом сочетании артдокумента с балаганом, как я люблю: пестрое с пестрым. Отчего у этого 8 марта воистину съезжает крыша и кровит душа, и варварская, то есть самая поэтичная, откровенность заливаает кухню, как стосвечовая лампочка без абажура. Так и должно быть, когда «на троих» изображают бабы, даже такие изысканные и

раемый болью и комплексами. Бедная возлюбленная мира.

Инна Чурикова озвучила мучительный спор Фриды с Фридой. В ее голосе — не просто два разных тембра и две разные интонации. В нем, как в системе «Долби», — стереоскопия звука. Два характера: нежный, доверчивый, женственный, преданный — и циничный, жесткий, избывший иллюзии, ничего не прощающий. Жизнь и смерть. Сверкающая фиеста и скорбь утраченного праздника страсти и красоты. «Я умерла, — говорит она, — когда мне было... 47?». Неожиданный цветок кактуса, вопросительная интонация, некролог от первого лица... Бедная Фрида.

Режиссер Наталья Назарова, художник по первому образованию, плавает в индейском сюрреализме небывалого, чуждого европейскому сознанию хеппенинга Дня мертвых, в жирной живописи мексиканского базара и кровавом колорите любви, погружаясь туда с головой. Порой она почти растворяется в напоре иного цвета, иной боли и иной оптики. Но неизменно выплывает, ведомая жесткой логикой сценария.

Бессмысленно гуляя по Сан-Франциско, я набрела на странный магазинчик. Он назывался Around Frida, что можно перевести как «вокруг Фриды». Там продавались куклы и альбомы Фриды Кало, детские книжки-комиксы с героиней Фридой-девочкой: круплицей, с брежневскими бровями; краски и фломастеры «Фрида», надувные Фриды-шарики, шарфы, фартуки и прихватки для горячего, шапочки «Фрида», жевательная резинка, духи и такая, знаете, игрушка, которая у нас называется «тещин язык», — рулончик с мундштучком: дуешь — и эта штука разворачивается тебе в голенькую брюнетку, что при тотальной инвалидности Фриды Кало можно объяснить лишь простодушием американцев.

Я хотела приобрести в этом шопе какой-нибудь подарочек для моей подруги Лары Малюковой, которая в это время писала, дымясь от напряжения, сценарий «Фриды на фоне Фриды». Но не купила. И правильно сделала. Потому что, как понимаю теперь, от

любого из этих подарков бедную Лару стошнило бы и она не смогла бы работать столь продуктивно. Потому что сценарий Лариса Малюкова писала удивительный.

В отличие от Натальи Назаровой она не была в Мексике. Но по сценарию, который она в те дни сочиняла, выжженная земля Мексики, подъемные краны кактусов и настоящая текила ничего нового не добавили бы. Примерно как Прусту не требовалось выходить из зашторенного кабинета, чтобы писать сагу о своем детстве.

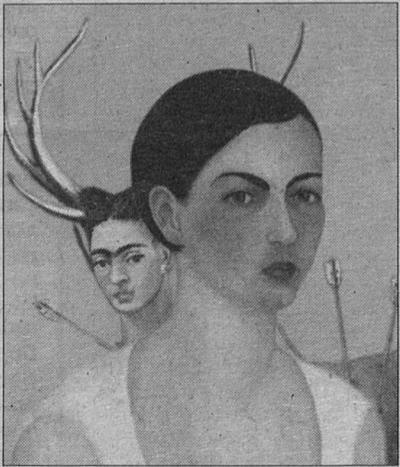
Лариса Малюкова реконструировала детство Фриды Кало, так сказать, по черепу — по дневникам и картинам, не касаясь стен синего дома и не дотрагиваясь до расписных гипсовых корсетов, которые прикованная к постели художница разрисовывала бабочками и птицами, всю жизнь мечтая о крыльях. Лара сочиняла диалоги, придумывая свою Фриду и ее альтер эго, наблюдателя из глубины зеркала, — и у самой постепенно отрастали эти самые крылья воображения. Критик с уклончивой улыбкой превращался в поэта. В постоянном споре, который Фрида ведет сама с собой, открывается ее фантастическая двойственная природа: большая женщины и неистового художника; любви и ненависти к Диего; физического распятия и мечты о полете; вечной боли и безумной жажды жизни...

Лара Малюкова никогда не была в горячих точках. Но, жена хирурга, она кое-что знает о человеческой боли. Андрей выезжал на тот теракт в электричке, когда взрывчатка была заложена внизу и детям, ехавшим в санаторий, оторвало ноги. Всем. В следующий раз взрывчатку укрепили сверху...

Это контекст их жизни, доктора и его жены. Писателя и его мужа. И их детей. Детей, которых так хотела крылатая художница из синего дома.

...У нас с Ларой есть такой пароль, из «Дикой собаки динго». «Ты плакала? Ты плакала».

● Алла БОССАРТ, обозреватель «Новой»

Документальный фильм стал портретом на фоне мифа

высококультурные, как эти. Плюс четвертая — сама Фрида как она есть: не только с усами, бровями и небритыми подмышками, но и — «приговоренная к фиесте».

Это второе название картины выводит миф о Фриде Кало на иную орбиту. Модный фетиш, праздничное чучело вроде Масленицы — заложник мифологии, выросшей на ее могиле, как какая-нибудь развесистая араукария с листьями арбузного окраса. Бедная Фрида, любовница смерти, наивно раскрасила свою жизнь кровью и супом гаспачо. Беспомощная калека, изнуренная выкидышами и фантазиями на их тему. Вечный подросток, разди-